

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.1.8>

УДК 327.7:061.1ЄС

ББК 66.4.(4)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ЕС В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ АГЕНТА И СТРУКТУРЫ

Гнатюк Николай Николаевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии,
Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
mgnatyuk@gmail.com
ул. Сковороды, 2, 04655 г. Киев, Украина

Аннотация. Статья посвящена анализу теоретико-методологических оснований ключевых подходов к концептуализации международных акторов и выявлению достаточных предпосылок для построения интерпретационной модели политической субъектности Европейского союза. На основе теоретических наработок представителей плюралистического подхода сделана попытка предложить переменные анализа политической субъектности с учетом онтологического равенства характеристик внутреннего и системного уровней.

Ключевые слова: международная система, актор международных отношений, политическая субъектность, международная система, Европейский союз.

В современной системе международных отношений государства остаются ведущими, если не единственными носителями действия на международной арене. Это видно невооруженным взглядом, особенно когда речь идет о поисках выхода из сложных международных ситуаций. Например, война на востоке Украины показывает, что при решении важных «геополитических» вопросов международные организации не способны преодолеть свой узкий «функциональный» характер и служат не более чем инструментом реализации внешней политики заинтересованных государств.

Вместе с тем спектр «негосударственных» игроков современных международных отношений существенно расширился. Рост значения и объемов взаимодействия негосударственных участников обусловлен рядом структурных и процессуальных изменений в мировой системе, которые значительно ускорились после Второй мировой войны. В частности, это касается усиления роли экономических связей, роста численности и значения

транснациональных игроков и международных организаций, изменения природы силы, в частности, роли «мягкой силы», идеологических и культурных факторов и т. д. Как результат, некоторые из этих негосударственных образований, например ООН или НАТО, занимают видное место в мировых политических процессах.

Для обозначения новых структурных условий международной системы Р. Кеохейн и Дж. Най предложили понятие «комплексной взаимозависимости» [17, с. 27]. Трудно не согласиться с их выводом о том, что в современном динамичном международном контексте анализ только межгосударственных взаимоотношений не может служить достаточной аналитической основой, а исключительное сосредоточение конкуренции между великими державами не отображает «реального» состояния международных дел.

Новое состояние международной политики стало особенно заметно с ростом международного присутствия европейских сооб-

шеств и формированием политической составляющей их внешних связей. Сегодня Европейский союз, формально имея статус международной организации, способен действовать наравне со многими влиятельными государствами, а в некоторых сферах – и диктовать им свои условия.

Разноплановая международная активность нового политического игрока способствовала возникновению множества подходов к его концептуализации [12; 14; 36]. Основу этих концептов составляет категория актора мировой политики. В этой связи особое место занимают поиск теоретических и методологических предпосылок определения и типологизации международных акторов в современных теориях международных отношений и выявление достаточных предпосылок для построения интерпретационной модели политической субъектности Европейского союза.

В теории международных отношений уже давно сформировались две диаметрально противоположные точки зрения – государствоцентристская и многоцентристская, которые фактически монополизировали обсуждение вопроса об акторах мировой политики.

Традиционная государствоцентристская парадигма, представленная реалистскими и структуралистскими либеральными подходами, указывает на государство как основное действующее лицо международных отношений. Международный актор в рамках этого подхода является функцией построения современной мировой системы, базовыми характеристиками которой считаются суверенное равенство территориальных государств и непризнание ими внешней власти. Легитимность государства как основного и универсального международного актора признается другими членами «суверенного клуба», и «нет другого официального коллегиального сообщества, которое давало бы возможность формального признания других политических образований» [7, с. 401].

Таким образом, следуя логике традиционного подхода, в международных отношениях взаимодействуют два типа политических акторов – первичные и вторичные. К первому типу принадлежат государства, которые, несмотря на все имеющиеся между ними различия, в своем взаимодействии определяют

мировой политической процесс. Ко второму типу – все остальные участники мировой политики, поскольку они либо созданы государствами, либо взаимодействуют в их политическом поле.

Такая трактовка понятия международного актора ставит знак равенства между ним и государством, что позволяет наделить международной политической субъектностью, например, Россию или Украину. В то же время упомянутые выше ООН или НАТО, несмотря на свой политический вес и правосубъектность, акторами считаться не могут, поскольку действуют в интересах и на основе делегированных полномочий государств, которые их создали.

Альтернативой этой традиционной парадигме служат так называемые многоцентристские подходы, которые пытаются применить категорию актора международных отношений к негосударственным участникам мировой политики. Достаточными условиями для пересмотра роли негосударственных участников международных отношений являются «уменьшение суверенитета» государств, интернационализация их внутренней политики и усиление глобализационных процессов [17].

Как следствие, государства не всегда могут контролировать поведение созданных ими или действующих в их правовом поле участников мировой политики. Взаимодействие таких разнотипных акторов с разными характеристиками и потенциалом делает международную систему многоуровневой при отсутствии иерархии отношений.

Несмотря на сложившуюся дихотомию, классификация ЕС как международного актора в государствоцентристской и многоцентристской системах координат остается довольно сложной задачей.

В традиционной межгосударственной системе Евросоюз не может рассматриваться как системообразующий элемент, поскольку он лишен традиционных для государств параметров, таких как суверенитет, признание, возможность использования военной силы. Доминирование государствоцентристской парадигмы предопределяет концептуализацию ЕС в контексте дихотомии «государство – международная организация». При этом учитывается, что перспектива его развития как актора между-

народных отношений будет зависеть от направления внутренних интеграционных процессов.

Теории региональной интеграции дают разные оценки перспектив эволюции ЕС как политического образования. По мнению представителей одной из ключевых теорий региональной интеграции – неофункционализма, результатом политической унификации в рамках ЕС должно стать создание центральной политической власти, институты которого независимы от государств-членов. Так, Е. Хаас утверждает, то в нынешнем состоянии европейское сообщество находится на пути построения определенной разновидности политического сообщества [10]. Эта точка зрения созвучна с идеями Ж. Моне, одного из основателей европейского интеграционного проекта, который был убежден, что «в один прекрасный день этот процесс приведет нас к единой федерации» [26, с. 208].

Если формирование «новой политической общности» по каким-то причинам не произойдет, ЕС может развиваться в форме «институтов и процессов достижения коллективных решений с помощью других средств, нежели автономные действия правительств государств» [21, с. 5–6]. В таком случае, по мнению представителей интергаверментализма, ЕС выступает как сочетание международных режимов, в рамках которых «государства-члены договариваются о нормах, правилах и институтах в своих интересах» [20, с. 1]. Кроме того, в современном ЕС прослеживается наложение различных форм межгосударственного сотрудничества, в частности политического союза, о чем свидетельствуют последние изменения в учредительных соглашениях.

Подходы к рассмотрению ЕС как определенной формы политической организации, а не арены межгосударственного взаимодействия, которые пришли на смену теориям европейской интеграции, имеют тенденцию к сравнению его с государством [12; 19; 24]. Эту особенность политической системы Евросоюза охватывают такие концепты, как «союз государств» [6], «объединенное федеративное государство» [36, с. 40], «система *sui generis*» [14], «кондоминиум» [30] и др.

Наряду с внешним сходством политическая структура ЕС и современного государства имеет существенное различие. Как отмеча-

ет С. Хикс, ЕС может быть примером государства, которое «инновативно сформировалось в рамках особого географического и культурного контекста» [13, с. 40]. Для выполнения многих традиционных функций управления Евросоюзу не нужно иметь статус государства, поскольку политическая система может существовать с низким уровнем централизации, дифференциации и институционализации.

Такой подход к рассмотрению политической структуры ЕС подталкивает к его концептуализации как уникальной системы, построенной на стыке внутренних и внешнеполитических процессов. Сочетая характеристики двух этих систем, ЕС имеет своеобразные характеристики политической структуры и, что более важно, тенденция его развития не ведет к однозначному доминированию государственной формы. Скорее наоборот, ЕС продолжает сохранять свою международную постнациональную уникальность.

Таким образом, интеграционная природа ЕС приводит к тому, что в вопросе политической субъектности он перерастает узкие рамки международной организации, действующей на основе делегированных полномочий государств-членов, в то время как его трансформация в государственное образование остается под вопросом.

Поскольку ЕС является негосударственным международным игроком, может показаться, что применение многоцентристских подходов в рассмотрении вопроса его политической субъектности может быть более плодотворным. Использование плюралистического подхода на основе отрицания принципа государствоцентристской субъектности и гомогенности международной системы базируется на идее, что важность международных акторов определяется не их правовым статусом или суверенностью, а способностью инициировать и поддерживать отношения. Поэтому даже при формальном пребывании под влиянием государств-членов и наличии двух акторов международных отношений, занимающих одну территорию, ЕС способен избегать наложенных ограничений и преследовать собственные цели.

Вместе с тем, несмотря на попытки представителей многоцентристских подходов отойти от ограничений, которые испытывает реал-

лизм в концептуализации ЕС, и предложить свое видение международных акторов в многоуровневом мире, решение вопроса типологизации ЕС оказалось не совсем удачным. Так, например, на основе уровня централизованного контроля Р. Кеохейн и Дж. Най классифицируют ЕС как международный институт наряду с другими международными организациями [18, с. 380], что созвучно традиционной государствоцентристской интерпретации. Более сложную классификацию предлагает Дж. Розенау, выделяя «микроакторов» и «макроакторов» [29, с. 119], однако возможность включения ЕС как единого целого в одну из предложенных категорий довольно проблематична из-за отсутствия четких критериев классификации.

Таким образом, классификация ЕС в контексте государствоцентристской и многоцентристской дихотомии дает противоречивые выводы. Если отталкиваться от традиционной межгосударственной парадигмы, ЕС, являясь вторичным актором, не имеет своей внешней политики и действует в интересах государств-членов. Если руководствоваться принципами многоцентристского подхода, природа политической субъектности ЕС такая же, как, например, Международного комитета Красного Креста или любой транснациональной корпорации.

На наш взгляд, неспособность этих двух ключевых подходов объяснить феномен политической субъектности ЕС состоит в их узкой методологической установке, что приводит к анализу переменных только одного уровня и отрицанию переменных другого. Так, традиционный межгосударственный подход предусматривает концептуализацию акторов международных отношений на основе взгляда «сверху вниз». Подход делает ударение на том, что акторы формируются социальными структурами, которые также определяют их свойства. Это ведет к определению мировой политической субъектности на основе доминирующей роли государств, которые выступают элементами современной мировой политической системы.

В свою очередь, парадигма многоцентричного мира предлагает нам трактовать мировую политику с точки зрения характеристик и поведения многих участников без учета

системных переменных мировой политики. Такой индивидуалистский подход основывается на том, что международная система может быть редуцирована к свойствам независимых акторов, в то время как структуры возникают лишь как арены, в рамках которых происходит их взаимодействие [35, с. 339].

Противопоставление структуралистского и индивидуалистского подходов происходит из-за того, что каждый из них упрощенно концептуализирует переменные конкурирующего подхода. Так, структуры в индивидуалистском подходе рассматриваются как неустойчивые, которые постоянно меняются в процессе взаимодействия акторов, в то время как в холистической модели международные акторы предстают как «ограниченные куклы» [5, с. 101].

Таким образом, теоретические дебаты относительно определения и классификации акторов мировой политики касаются прежде всего проблемы агента/актора и структуры/международной среды, в частности, первичности и определяющего влияния каждого из них. Как справедливо отмечает Г. Смит, практически любой вопрос можно рассматривать одновременно как с индивидуалистской, так и со структуралистской точки зрения [32, с. 19]. На наш взгляд, именно нерешенность вопроса о детерминанте международной деятельности актора в контексте дихотомии структуры и агента является причиной отсутствия кумулятивного прогресса в рассмотрении политической субъектности ЕС.

Возможным решением, которое позволило бы сформировать переменные интерпретационной модели политической субъектности Европейского союза, может стать подход на основе рассмотрения агента/актора и структуры/международной среды как единиц с равным онтологическим статусом¹.

Первым шагом в этом направлении должен стать отказ от абсолютного доминирования государствоцентристской парадигмы. Центральная роль государства как базового элемента политической системы не является чем-то постоянным и, как показывает история, меняется с изменением самих международных игроков. Государства не всегда были первичными акторами мировой политики, не говоря уже о том, что они никогда не были

единственными действующими единицами. Поэтому, как отмечают Р. Мансмах, Й. Фергюсон и Д. Ламперт, «если мы считаем, что история важна, мы не можем априори предполагать, что государства всегда будут оставаться наиболее важными автономными акторами» [23, с. 25]. Впрочем, независимо от возможных тенденций изменения природы международных отношений, этот тезис подчеркивает важность новых негосударственных акторов международных отношений и ставит вопрос об их идентификации и классификации.

В частности, речь идет о Евросоюзе, который, как «негосударственное образование», активно представлен на международной арене. Использование предпосылок рассмотренного выше альтернативного плюралистического подхода особенно подходит для анализа международной деятельности ЕС, поскольку «актором может быть любое политическое образование, которое способно формулировать цели, принимать решение и преследовать определенные цели» [13, с. 18].

Опираясь на предложенные многоцентристскими подходами принципы анализа, основные усилия стоит направить на выявление переменных агента/актора и структуры/международной среды, которые определяют проявления международной субъектности того или иного международного политического актора. Именно акцент на переменных международной политической субъектности как характеристики международного актора должен стать альтернативой безуспешным попыткам типологизации ЕС как актора международных отношений.

Сформированная международная политическая субъектность состоит из набора характеристик, которые определяют поведение международного актора. Выявление характеристик ЕС как участника мировой политики предусматривает обращение как к его внутренней структуре и особенностям поведения, так и «чувствительности к системе», то есть обращение внимания на факторы международной системы. На внутреннем уровне важное значение приобретает выяснение способности ЕС формулировать и реализовывать внешнюю политику, что определяет его потенциал как международного актора. На внешнем

уровне ключевое значение имеет выявление возможностей, предоставляемых международной политической структурой для реализации этого потенциала.

Внутренние характеристики ЕС, такие как внешнеполитические компетенции, автономные механизмы принятия решений, процедурные и институциональные условия для осуществления последовательной внешней политики и внешнеполитические инструменты, формируют потенциал или способность политического актора.

Развитый внутренний потенциал не только дает возможность действовать, но и определяет степень делимитации от внешнего мира. Г. Шестедт справедливо замечает, что международный политический актор, который наделен таким качеством, становится заметным в окружающей среде [31, с. 15]. Учитывая международную деятельность и особую «многоуровневую структуру» ЕС, важно отметить, что обособленность от внешнего окружения и наличие определенной степени внутреннего единства делают его, как политического актора, «корпоративной», а не «коллективной» международной единицей, которая не равняется сумме своих составляющих.

Рассмотрение внутренних переменных ЕС подталкивает к выводу, что его характеристики существенно отличаются от тех переменных, которые свойственны государствам даже с федеративным устройством. Несмотря на сходство определенных систем формирования решений и политических процессов, ЕС не имеет базовых атрибутов, которые характерны для государств в традиционном понимании или, как пишет С. Хикс, для «марксистского или веберовского государства» [13, с. 40]. Проявлением особой роли межгосударственного взаимодействия в процессе европейской интеграции является система представительства государств-членов в Совете, что отличает ЕС от федеративных государств, в которых верхняя палата никогда не функционирует как «совет государств» [25, с. 133].

В политической системе ЕС не происходит традиционного для внутреннего устройства государств распределения полномочий между центральным уровнем и административными единицами с сосредоточением наи-

более важных, например, оборона и внешняя политика, исключительно на высшем уровне. Кроме того, отсутствует единый центр принятия решений, как, например, глава исполнительной власти в президентской системе или правящая партия в парламентской, который определяет повестку дня и осуществляет координацию.

В отличие от государств, которые владеют всей полнотой власти, ЕС создан на основе учредительного соглашения между государствами-членами и наделен ограниченными компетенциями, необходимыми для достижения определенных целей. Их развитие за более чем полувековой период привело к преобразованию в политическую единицу, построенную на постнациональной основе. Отсутствие суверенитета ЕС и сохранение его государствами-членами атрибутов государственности определяют уникальную политическую структуру, для которой, как указывалось выше, свойственно сочетание характеристик международной и внутривнутриполитической системы.

В свою очередь параллельное участие ЕС и его государств-членов в международных отношениях приводит к тому, что ЕС реализует как общеевропейские, так и национальные интересы и ценности. Как отмечает К. Хилл, «они генерируют международные отношения коллективно и индивидуально, экономически и политически, но в то же время в меньшей степени, нежели единственный актор» [11, с. 322]. В этом контексте трудно не согласиться с мнением Д. Аллена, который утверждает, что «необходимо принять реальность, что Европа шести или девяти никогда не была зародышем национального государства и что государства, которые присоединились к Сообществу, не уступают свой суверенитет, а защищают его» [1, с. 137].

Анализ компетенций ЕС показывает, что их расширение не является линейным и не ведет к формированию конфедеративной или федеративной модели. Этому, в частности, содействует особая природа взаимоотношений между государствами, которые остаются ключевыми элементами его политической системы. Государства-члены передают часть своих полномочий на наднациональный уровень, при этом сохраняя способность действо-

вать самостоятельно. Это приводит к общей международной деятельности ЕС и его государств-членов, что является характерным отличием его политической субъектности.

На международном уровне сложились определенные представления и ожидания относительно ЕС. Возможность быть международным актором зависит от принципов построения международной системы и формализуется в таких параметрах, как присутствие, признание и приемлемость.

Поскольку формирование субъектности происходит во взаимодействии с внешним миром, следует отметить, что дееспособность политического актора определяется его международным присутствием. Благодаря внушительному экономическому потенциалу, который формирует таможенный союз, ЕС имеет значительный политический вес, который можно трактовать как «силовой потенциал» [8, с. 35]. Как следствие, уровень международного присутствия ЕС сопоставим с достигнутым уровнем интеграции и не сводится к сумме действий государств-членов на международной арене.

В мобилизованном виде такой потенциал выступает в форме инструментов внешней политики. Отсутствие характеристик государственности не позволяет ЕС иметь традиционные внешнеполитические механизмы, но это не означает, что он не способен оказывать влияние на других игроков мировой политики. Евросоюз владеет уникальной конфигурацией внешнеполитических инструментов, которые состоят как из традиционных силовых, например, санкций, так и характерных только для интегративного образования, например, механизмы структурного влияния. Это позволяет ему действовать при отсутствии классических средств военного принуждения и, в свою очередь, служит отличительной характеристикой его внешнеполитического поведения.

Возможность влиять на международных контрагентов означает, что ЕС владеет международной политической субъектностью даже при наличии общей, а не единой внешней политики в виде «Общей внешней политики и политики безопасности»². Важно также подчеркнуть, что получение внешнеполитического результата значительно влияет на формирование внутренней сплоченности и признания между-

народных партнеров, которые связывают с ним достижение своих важных интересов. Как следствие, благодаря своему относительному совокупному силовому потенциалу ЕС воспринимается другими участниками международных отношений, как правило, единым актором.

Международное признание можно считать своеобразной регистрацией актора на международной арене. Признание ЕС другими акторами означает, что с ним можно иметь дело, и очень часто выступает единственным достаточным условием международного уровня, поскольку является «негативным» суверенитетом [16, с. 216]. При этом признание необязательно должно быть де-юре. Установление и поддержание контактов в разных сферах, то есть признание де-факто, являются достаточными условиями политического взаимодействия.

Отсутствие атрибутов государственности делает Евросоюз особенным актором в современной межгосударственной системе и не дает возможность международным партнерам в равной степени подходить к его признанию и приемлемости. Так как ЕС и его государства-члены представлены на международной арене одновременно, возникает ситуация появления двух акторов на одной территории. Как следствие, признание государств-членов является несовместимым с признанием самого ЕС. Поэтому ЕС стремится избежать подобной ситуации путем признания за ним «функциональной власти», которой традиционно наделяют наднациональные международные институты для исполнения наложенных на них функций.

В отличие от признания, приемлемость ЕС как отдельного международного политического актора другими государствами чрезвычайно высокая, особенно со стороны тех стран, которые охвачены его структурным влиянием, например, стремятся присоединиться или заинтересованы в развитии политического диалога. В многосторонних институтах международного взаимодействия, которые не предусматривают создания формальных структур, статус ЕС, как правило, тождественны его вкладу в мировую политику.

Таким образом, предложенные теоретико-методологические рамки анализа ЕС как международного политического актора позволяют преодолеть традиционное противопос-

тавление государствоцентристского и многоцентристского подходов и сформировать переносимые анализ его политической субъектности на основе сочетания характеристик внутренних процессов, которые детерминируют его способность действовать на международной арене, и параметров построения международной системы, которые позволяют ему быть международным актором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обосновывая идею равенства статуса системного и индивидуального уровней в формировании оснований политической субъектности, важно учитывать выводы представителей социального конструктивизма. В частности, А. Венд отмечает, что проблема агента и структуры базируется на двух аксиомах социальной жизни: во-первых, индивиды и их организации являются целенаправленными акторами, действия которых формируют и трансформируют общество; во-вторых, общество состоит из социальных отношений, которые структурируют взаимодействие между индивидами и организациями. Поэтому для объяснения социальных отношений важны как характеристики акторов, так и структуры (см.: [35, с. 337–338]).

Одним из первых в теории международных отношений к такой методологической установке обратился Т. Риссе, утверждая, что в социальных отношениях агенты не могут существовать независимо от своего социального окружения и коллективной системы значений или культуры в широком понимании. В то же время агенты в своем взаимодействии постоянно формируют и видоизменяют структуры [28, с. 5]. Таким образом, агенты и структура находятся в процессе обоюдного конструирования – «глобальные игроки являются историческим продуктом современной международной системы, которая в свою очередь является продуктом деятельности ее составляющих элементов в пространстве и времени» [2, с. 529].

² На международной арене действия ЕС ограничены стремлением его государств-членов сохранить свой суверенитет. Проводя самостоятельную внешнюю политику, они координируют ее на общеевропейском уровне, причем такое взаимодействие беспрецедентно в истории международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allen, D. Foreign policy at the European level: beyond the nation state? // D. Allen // Foreign policy making

- in Western Europe / ed. by W. Wallace, W. Paterson. – Westmead : Saxon House, 1978. – P. 135–154.
2. Arts, B. Regime, non-state actors and the state system: a “structuralist” regime model / B. Arts // *European journal of international relations*. – 2000. – N 6 (4). – P. 513–542.
  3. Bretherton, Ch. The European Union as a global actor / Ch. Bretherton, B. Vogler. – L. : Routledge, 2006. – 269 p.
  4. Brewin, Ch. The European Community: a union of states without unity of government / Ch. Brewin // *Journal of common market studies*. – 1987. – N 26 (1). – P. 1–23.
  5. Buzan, B. The logic of anarchy: neorealism to structural realism / B. Buzan, Ch. Jones, R. Little. – N. Y. : Columbia University Press, 1993. – 267 p.
  6. Das Bundesverfassungsgericht. Urteil zum Maastricht-Vertrag vom 12. Oktober 1993 // *Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts*. – 1994. – N 89. – S. 155–213.
  7. Ferguson, Y. Politics. Authority, identities and change / Y. Ferguson, R. Mansbach. – South Carolina : University of South Carolina Press, 1996. – 495 p.
  8. Galtung, J. The European Community: a superpower in the making? / J. Galtung. – L. : Allen & Unwin, 1973. – 195 p.
  9. Gould, H. What is at stake in the agent-structure debate? / H. Gould // *International relations in a constructed world* / ed. by V. Kubáľková [et al.]. – Armonk : M.E. Sharpe, 1998. – P. 79–98.
  10. Haas, E. Beyond the nation-state: functionalism and international organization / E. Haas. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1964. – 595 p.
  11. Hill, Ch. The capability-expectations gap, or conceptualizing Europe’s international role / Ch. Hill // *Journal of common market studies*. – 1993. – N 31 (3). – P. 305–328.
  12. Hix, S. The study of the European community: the challenge to comparative politics / S. Hix // *West European politics*. – 1994. – N 17 (1). – P. 1–30.
  13. Hix, S. The study of the European Union II: the “new governance” agenda and its rival / S. Hix // *Journal of European public policy*. – 1998. – N 5 (1). – P. 38–65.
  14. Jachtenfuchs, M. Die Europäische Union – ein Gebilde sui generis? / M. Jachtenfuchs // *Projekt Europa im Übergang? Probleme, Modelle und Strategien des Regierens in der Europäischen Union* / K. D. Wolf (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 1997. – S. 15–35.
  15. Jopp, M. Kollektive Aussenpolitik: die Europäische Union als internationaler Akteur / M. Jopp, P. Schlotter. – Baden-Baden : Nomos, 2007. – 397 S.
  16. Jupille, J. States, agency, and rules: the European Union in global environmental politics / J. Jupille, J. Caporaso // *The European Union in the world community* / ed. by C. Rhodes. – Boulder, Colo. : Lynne Rienner Publishers, 1998. – P. 213–231.
  17. Keohane, R. Power and interdependence: world politics in transition / R. Keohane, J. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p.
  18. Keohane, R. Transnational relations and world politics / R. Keohane, J. Nye. – Cambridge : Harvard University Press, 1972. – 428 p.
  19. Kohler-Koch, B. The transformation of governance in the European Union / B. Kohler-Koch, R. Eising. – L. : Routledge, 1999. – 320 p.
  20. Krasner, S. D. Structural causes and regime consequences: regime as intervening variables / S. D. Krasner // *International regimes* / ed. by S. D. Krasner. – Ithaca : Cornell U.P., 1983. – P. 1–22.
  21. Lindberg, L. The political dynamics of European economic integration / L. Lindberg. – Stanford : Stanford University Press, 1963. – 367 p.
  22. Long, D. Multilateralism in the CFSP / D. Long // *Common foreign and security policy: the record and reforms* / ed. by M. Holland. – L. : Pinter, 1997. – P. 184–199.
  23. Mansbach, R. The Web of world politics: nonstate actors in the global system / R. Mansbach, Y. Ferguson, D. Lampert. – L. : Prentice-Hall, 1976. – 326 p.
  24. Marks, G. European integration from the 1980s: state-centric vs. multi-level governance / G. Marks, L. Hooghe, K. Blank // *Journal of common market studies*. – 1996. – N 34 (3). – P. 341–378.
  25. McKay, D. Designing Europe: comparative lessons from the federal experience / D. McKay. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 184 p.
  26. Monnet, J. A ferment of change / J. Monnet // *Journal of common market studies*. – 1963. – N 1 (3). – P. 203–211.
  27. Nye, J. Soft power: the means to success in world politics / J. Nye. – N. Y. : Public Affairs, 2004. – 191 p.
  28. Risse, T. “Let’s argue!”: communicative action in world politics / T. Risse // *International organization*. – 2000. – N 1. – P. 1–39.
  29. Rosenau, J. Turbulence in world politics: a theory of change and continuity / J. Rosenau. – Princeton : Princeton University Press, 1990. – 480 p.
  30. Schmitter, Ph. Imagining the future of the euro-polity with the help of new concepts / Ph. Schmitter // *Governance in the European Union* / ed. by G. Marks [et al.]. – L. : Sage, 1996. – P. 121–150.
  31. Sjöstedt, G. The external role of the European community / G. Sjöstedt. – Farnborough : Saxon house, 1977. – 273 p.
  32. Smith, M. Beyond the stable state: Foreign policy challenges and opportunities in the New Europe / M. Smith // *European foreign policy. The EC and changing perspectives in Europe* / ed. by W. Carlsnaes, S. Smith. – L. : Sage Publications, 1994. – P. 21–44.

33. Waltz, K. Theory of international politics / K. Waltz. – Reading, Mass. : Addison-Wesley Pub. Co., 1979. – 251 p.

34. Wendt, A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics / A. Wendt // International organization. – 1992. – N 46 (2). – P. 391–425.

35. Wendt, A. The agent-structure problem in international relations theory / A. Wendt // International organization. – 1987. – N 41 (3). – P. 335–370.

36. Wessels, W. Staat und (westeuropäische) Integration. Die Fusionsthese / W. Wessels // Die Integration Europas. PVS-Sonderheft 23 / M. Kreile (Hrsg.). – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. – S. 36–61.

37. Wight, C. Agents, structures and international relations: politics as ontology / C. Wight. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 360 p.

REFERENCES

1. Allen D. Foreign Policy at the European Level: Beyond the Nation State? Wallace W., Paterson W., eds. *Foreign Policy Making in Western Europe*. Westmead, Saxon House, 1978, pp. 135–154.

2. Arts B. Regime, Non-State Actors and the State System: A “Structurational” Regime Model. *European Journal of International Relations*, 2000, no. 6 (4), pp. 513–542.

3. Bretherton Ch., Vogler B. *The European Union as a Global Actor*. London, Routledge, 2006. 269 p.

4. Brewin Ch. The European Community: a Union of States Without Unity of Government. *Journal of Common Market Studies*, 1987, no. 26 (1), pp. 1–23.

5. Buzan B., Jones Ch., Little R. *The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism*. New York, Columbia University Press, 1993. 267 p.

6. Das Bundesverfassungsgericht. Urteil zum Maastricht-Vertrag vom 12. Oktober 1993 [The Federal Constitutional Court. Judgment to the Maastricht Treaty of October 12, 1993]. *Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts* [Decisions of the Constitutional Court], 1994, no. 89, pp. 155–213.

7. Ferguson Y., Mansbach R. *Politics. Authority, Identities and Change*. South Carolina, University of South Carolina Press, 1996. 495 p.

8. Galtung J. *The European Community: A Superpower in the Making?* London, Allen & Unwin, 1973. 195 p.

9. Gould H. What Is at Stake in the Agent-Structure Debate? Kubálková V., et al. (eds.). *International Relations in a Constructed World*. Armonk, M.E. Sharpe, 1998, pp. 79–98.

10. Haas E. *Beyond the Nation-State: Functionalism and International Organization*. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1964. 595 p.

11. Hill Ch. The Capability-Expectations Gap, or Conceptualizing Europe’s International Role. *Journal of Common Market Studies*, 1993, no. 31 (3), pp. 305–328.

12. Hix S. The Study of the European Community: the Challenge to Comparative Politics. *West European Politics*, 1994, no. 17 (1), pp. 1–30.

13. Hix S. The Study of the European Union II: the “New Governance” Agenda and Its Rival. *Journal of European Public Policy*, 1998, no. 5 (1), pp. 38–65.

14. Jachtenfuchs M. Die Europäische Union - ein Gebilde sui generis? [The European Union - an Entity or Deneris?]. Wolf K.D., ed. *Projekt Europa im Übergang? Probleme, Modelle und Strategien des Regierens in der Europäischen Union* [Project Europe in Transition? Problems, Models and Strategies of Governance in the European Union]. Baden-Baden, Nomos, 1997, pp. 15–35.

15. Jopp M., Schlotter P. *Kollektive Aussenpolitik: die Europäische Union als internationaler Akteur* [Collective Foreign Policy: to the European Union as an International Actor]. Baden-Baden, Nomos, 2007. 397 p.

16. Jupille J., Caporaso J. States, Agency, and Rules: The European Union in Global Environmental Politics. Rhodes C., ed. *The European Union in the World Community*. Boulder, Colo., Lynne Rienner Publishers, 1998, pp. 213–231.

17. Keohane R., Nye J. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston, Little, Brown, 1977. 273 p.

18. Keohane R., Nye J. *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge, Harvard University Press, 1972. 428 p.

19. Kohler-Koch B., Eising R. *The Transformation of Governance in the European Union*. London, Routledge, 1999. 320 p.

20. Krasner S.D. Structural Causes and Regime Consequences: Regime as Intervening Variables. *International Regimes*. Ithaca, Cornell U.P., 1983, pp. 1–22.

21. Lindberg L. *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford, Stanford University Press, 1963. 367 p.

22. Long D. Multilateralism in the CFSP. Holland M., ed. *Common Foreign and Security Policy: The Record and Reforms*. London, Pinter, 1997, pp. 184–199.

23. Mansbach R., Ferguson Y., Lampert D. *The Web of World Politics: Nonstate Actors in the Global System*. London, Prentice-Hall, 1976. 326 p.

24. Marks G., Hooghe L., Blank K. European Integration From the 1980s: State-Centric vs. Multi-Level Governance. *Journal of Common Market Studies*, 1996, no. 34 (3), pp. 341–378.

25. McKay D. *Designing Europe: Comparative Lessons From the Federal Experience*. Oxford, Oxford University Press, 2001. 184 p.

26. Monnet J. A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*, 1963, no. 1 (3), pp. 203-211.
27. Nye J. *Soft Power: The Means To Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 191 p.
28. Risse T. "Let's argue!": Communicative Action in World Politics. *International Organization*, 2000, no. 1, pp. 1-39.
29. Rosenau J. *Turbulence in World Politics: a Theory of Change and Continuity*. Princeton, Princeton University Press, 1990. 480 p.
30. Schmitter Ph. Imagining the Future of the Euro-Polity With the Help of New Concepts. Marks G., et al. (ed.). *Governance in the European Union*. London, Sage, 1996, pp. 121-150.
31. Sjöstedt G. *The External Role of the European Community*. Farnborough, Saxon house, 1977. 273 p.
32. Smith M. Beyond the Stable State: Foreign Policy Challenges and Opportunities in the New Europe. Carlsnaes W., Smith S., eds. *European Foreign Policy. The EC and Changing Perspectives in Europe*. London, Sage Publications, 1994, pp. 21-44.
33. Waltz K. *Theory of International Politics*. Reading, Mass., Addison-Wesley Publ. Co., 1979. 251 p.
34. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. *International Organization*, 1992, no. 46 (2), pp. 391-425.
35. Wendt A. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*, 1987, no. 41 (3), pp. 335-370.
36. Wessels W. Staat und (westeuropäische) Integration. Die Fusionsthese [State and (Western European) Integration. The Merger Thesis]. Kreile M., ed. *Die Integration Europas. PVS-Sonderheft 23* [The Integration of Europe. PVS-23 Special Edition]. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1992, pp. 36-61.
37. Wight C. *Agents, Structures and International Relations: Politics as Ontology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 360 p.

INTERNATIONAL POLITICAL ACTORNESS OF THE EU: THE DICHOTOMY OF AGENT AND STRUCTURE

Gnatyuk Nikolay Nikolaevich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of Political Science, National University "Kyiv-Mohyla Academy"
mgnatyuk@gmail.com
Skovorody St., 2, 04655 Kyiv, Ukraine

Abstract. Theories of international relations, regional integration and comparative politics have significant difficulties with the classification of the EU as an actor of international politics. At the same time the EU international activities challenge not only the idea of superior role of the state in international relations but also the structure of international system. The article states that conceptualization of international actors should not contrast two levels of analyses – the internal condition of actor and the structure of international system, but treat them as being neutral.

Based on suggestions of pluralistic approach, the article argues that primary burden of progress in the classification of the EU as an actor of international politics is due to one way interpretation of "structure and agents problem". In this regard the constructivist idea of treating actor and structure as mutually constructive may be a useful starting point. Unlike attempts to consider the international activities of the EU as "state like" entity, this approach allows taking into account the EU integrative nature, which is characterized by the presence of individual features of the traditional international actors.

Therefore, the concept of international actorness as an alternative to state-centered approaches may offer a theoretical and methodological framework for the understanding of different elements and building-blocks of the "EU as an international actor". Interaction of variables of internal and external levels composes a harmonized system for evaluating the EU international activity.

Key words: international system, actor of international relations, political actorness, European Union.